

Оксана Вениаминовна СМИРНОВА,
учитель литературы Традиционной гимназии, Москва

Как мы сделали учебник

Двадцать пять лет назад, в самом начале 90-х, сделать линейку хрестоматий по литературе для средней школы пытались многие. Тогда казалось, что это не слишком трудная задача и что все мы – «креативные» словесники, готовые засучить рукава и взяться за дело, – понимаем ее примерно одинаково. Когда появились экспериментальные программы и хрестоматии, иллюзия развеялась. Стало понятно, насколько по-разному мы представляем себе, какие тексты надо читать с детьми, какие методики использовать и зачем вообще все это надо. Жаль, что обсуждение экспериментов в итоге так и не состоялось: если бы авторы всех вышедших тогда «линеек» честно рассказали, что у них получилось, а что – нет, наверно, было бы проще двигаться дальше.

Наша команда, состоявшая из трех словесниц (К. А. Александрова, О. В. Смирнова и О. Л. Стриевская) и поддерживаемая дружественными историками и искусствоведами, составила свою программу в 1990 году. В 1995 она была опубликована в «Литературе. Первое сентября» (№№ 26, 27) под названием «Язык культуры». Это был уже гораздо более продуманный и проверенный на опыте вариант, но далеко не окончательный. Нам чудом удавалось издавать небольшие тиражи своих хрестоматий, включавших тогда только самые труднодоступные тексты из всего, что изучалось по программе. Мы работали в «своей» школе (тоже появившейся на волне творческой свободы 90-х), для которой эти хрестоматии и создавались и которая не соглашалась переходить на другие. И мы продолжали доводить их до ума, в душе надеясь, что какая-нибудь более могучая, богатая и пробивная команда осуществит нашу идею (такую очевидную и простую!) и выпустит серию учебников, на которые мы с легкой душой перейдем. Но таких книг за четверть века так и не вышло. Зато мы наконец издали свои хрестоматии, теперь уже под названием «Мастерство читателя» – крохотным тиражом, без всяких грифов (для внутреннего, неофициального пользования двух школ, которые в них заинтересованы), но в более или менее окончательном виде. И мне хочется рассказать коллегам о нашем опыте: может быть, кому-нибудь он пригодится.

Что и зачем включать в программу?

Опытному словеснику достаточно взглянуть на список изучаемых произведений, чтобы понять об учебниках почти всё (оглавления хрестоматий прилагаются в электронном виде). Но я все-таки расскажу, как устроена наша программа.

Мы исходили из того, что школьная литература должна передать детям их законное наследство – русскую классическую литературу, и в этом ее

главная задача. А для введения в права культурного наследия детям необходимо умение и желание читать прекрасные книги любой сложности, созданные в разные эпохи и в разных художественных системах. И, значит, программа нужна такая, чтобы можно было и читать классику, и возвращать эти умения. Это цель, так сказать, глобальная, и мы сформулировали для себя несколько более частных задач.

1) В средней школе нужно прочитать ту часть русской классики, которая уже доступна восприятию подростков. В этом мы были совсем неоригинальны. Свод «золотой классики» для средней школы давно и прочно устоялся, что облегчило нам задачу. Правда, с введением «концентра» в программу средней школы стали включать и тех авторов, которые традиционно изучались в старшей школе из-за своей очевидной «недетскости», но мы остались на прежних позициях и на «концентр» не перешли.

2) А вот второй наш постулат больше никто, кажется, не пытался последовательно применять при составлении программ. Суть его такова: для адекватного понимания серьезной литературы ученикам не хватает знания контекста. Вся литература в некотором смысле – постоянно продолжающийся разговор, и чтобы в нем участвовать, необходимо знать ее язык, который состоит из образов, героев и сюжетов, успевших стать своего рода системой знаков. Часть их «действительна» только для русской культуры: Каштанка, Дубровский, левша – и далее по оглавлению. С передачей этого «кода» школьная литература тогда еще худо-бедно справлялась. Но существует и другой «код», которым пользуются во всем мире. Нельзя не знать Ахилла, Гектора и Одиссея, короля Артура, Мерлина и Ланселота, не иметь представления о валькириях и меде поэзии, а слова Рагнарёк пугаться исключительно из-за его непонятности. В первой редакции, если помните, наша программа называлась «Язык культуры». От этого названия пришлось отказаться: под ним вышли книги другой команды. А жаль, поскольку именно задача научить школьников хотя бы азам этого общекультурного языка определила главные особенности наших хрестоматий.

На мой нынешний взгляд, вначале мы даже недооценили важность этой идеи для подготовки нового поколения читателей. Без знания многих древних слов, имен, сюжетов сейчас трудно не только читать классику – ими буквально переполнены современные книги, фильмы, компьютерные игры. Попробуйте ввести в поисковик, к примеру, имя «Гильгамеш» и полюбуйте результатом.

3) В контекст русской классики, которым не владеют современные школьники, входит христианство в целом и православие – в частности. Каких бы (анти)религиозных взглядов ни придерживались читающие меня коллеги, все же, как честные филологи, они должны признать «научный факт»: вся европейская культура (по умолчанию) предполагает знание и понимание основ христианства и множества вещей, с ним связанных. Может быть, кто-то из вас лично пережил «момент истины», впервые прочитав

Евангелие и увидев, сколько всего – слов, идей, аллюзий – вдруг стало понятным в давно известных и любимых «светских» книгах. И, соответственно, сколько всего мы не замечаем и не понимаем, оставаясь вне этого контекста. Поверьте, прочитав, к примеру, «Закон Божий» Н. Слободского, «светский» филолог переживает культурный шок, сопоставимый по силе. Множество текстов приобретает словно бы еще одно измерение, погружаясь в свой естественный контекст.

Нет, мы не стали добавлять к курсу литературы «Закон Божий» или то, что называется сейчас «основами православной культуры». Мы пошли путем, который предлагал академик Д. С. Лихачев: включили в программу произведения древнерусской литературы, имеющие самостоятельную ценность и в то же время позволяющие понять «менталитет» людей, в жизни которых вера определяла все. Понять логику их мыслей и поступков, хотя бы для того чтобы видеть и понимать эту же логику в поступках героев литературы XIX в. и во взглядах многих русских классиков. К тому же в древнерусских текстах тоже есть образы-знаки, без которых слишком многое останется непонятым в нашей культуре – от лебедей Непрядвы до града Китежа.

4) Отдельный вопрос – что делать с литературой современной. В хрестоматии ее нет по нескольким причинам. Одна из них сугубо правовая: нам не хватило сил решать вопросы об авторских правах, и потому в книгах отсутствуют не только современные произведения, но и тексты многих классиков XX века. Это не значит, что мы с детьми их не читаем, просто выбор остается за учителем. Свобода в отборе современных текстов стала для нас своего рода принципом, и вот что интересно: за четверть века мы так и не составили общего списка книг, «обязательных» для предъявления школьникам. В разные годы и в разных классах необходимыми оказывались разные произведения. Возможно, дело в том, что в современном тексте очень важна его созвучность времени, и учитель должен иметь право принести в класс то, что сверкнуло именно сегодня. А доживет ли оно до послезавтра – там видно будет.

5) Когда мы начинали свою работу, нам не пришло в голову, что для средней школы можно было бы отобрать произведения попроще, так сказать, необременительные ни для детей, ни для учителя. Зачем изучать на уроке то, что и без учителя понятно? Ну разве что (по давней традиции) в конце года потратить пару уроков на хороший, но простой текст, по поводу которого можно затеять интересный разговор. Эти «легкие» тексты – самая произвольная часть того, что вошло в хрестоматии. И самая необязательная.

6) И, наконец, мы постановили: в хрестоматиях не должно быть слабых или скучных текстов. У нас и на шедевры часов не хватает.

Возможность выбора, или книга-библиотека

Понимаю, что предыдущая фраза должна вызвать скептическую усмешку: что одному интересно, то другому скучно. С одними детьми можно освоить и очень сложную программу, с другими этот номер не пройдет. А мы делали свои книги не для гуманитарного класса, а для детей по всем

параметрам «средних». Школу, для которой в первую очередь предназначалась эта «линейка», организовали православные родители. Нет, не те неофиты, которые полагают, что правильное отношение к литературе – это «забрать все книги бы да сжечь». Как раз наоборот: получившие хорошее образование и умевшие ценить культуру люди хотели того же и для своих детей. Но детей в таких семьях много, и каждому ребенку достается гораздо меньше внимания, чем когда-то досталось их родителям. К нашим хрестоматиям эти проблемы имели прямое отношение: если мы не вручим ученикам тексты, по которым собираемся работать, на уроке текстов не будет, и домашнее задание тоже останется несделанным. У мамы (а порой и у ребенка) слишком много забот, чтобы вовремя найти нужную книгу. Впрочем, таких проблем нет разве что в самых элитарных гуманитарных классах. А наши ученики – обыкновенные ребята, даже в «основах православной культуры» они порой ориентируются немногим лучше, чем их сверстники из государственных школ.

Итак, мы стали делать книги «универсального профиля». Даже по оглавлению видно, что хрестоматии «избыточны» и за 2 или даже 3 часа в неделю все, что в них есть, «пройти» на уроках невозможно. Это «дышащая» конструкция; из нее можно извлечь необходимый минимум текстов и сведений, если класс слаб и больше не потянет, или, наоборот, дать максимальную нагрузку сильным, обеспечить индивидуальными заданиями ребят, у которых разные возможности или интересы. Да, что одному интересно, другому скучно, и мы постарались дать учителю возможность в рамках единой программы это учитывать.

Далеко не все тексты у нас предназначены для изучения на уроках. В каждой книге есть «Запасник» – раздел «Для самостоятельного чтения». Что-то в нем можно использовать для проектов, что-то – для факультативов, что-то – для свободы маневра или внеклассного чтения, что-то можно отдать историкам или другим «смежникам». А что-то пусть почитает под партой тот, кому станет скучно на нашем уроке. Там же находятся краткие и понятные пересказы неподъемных источников: гомеровских поэм, античных и германских мифов, артуровских легенд. На уроках мы их не разбираем – только проверяем владение этим материалом (но об этом чуть позже).

Кроме «Запасников» во всех книгах есть еще один раздел не совсем по программе – «Стихи русских поэтов». Мы исходили из того, что стихи нужно учить наизусть постоянно. Причем такие, которые способны «задеть» в соответствующем возрасте. Как использовать этот вспомогательный ресурс, учитель вправе решать сам, хоть, впрочем, в «методичках» есть кое-какие советы на этот счет.

Как быть с доступностью?

Итак, работа началась с того, что мы отобрали «золотую» классику и разнесли ее по классам, исходя в первую очередь из принципа доступности и проверенной опытом целесообразности. «Капитанскую дочку» восьмиклассники поймут лучше, чем семиклассники, и с большей вероятностью полюбят. Поэмы Лермонтова «выгоднее» изучать, если

ученики уже получили представление о романтизме, а романтизм раньше восьмого класса детям (в массе) еще не по уму. Следовательно... Отрывки из произведений Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского мы поместили только в «Запасники», не предназначенные для обязательного изучения. На наш взгляд, лучше прочитать классика поздно и полюбить, чем рано – и возненавидеть на всю жизнь.

Труднее было совместить принцип доступности с нашей главной идеей – познакомить учеников с «языком культуры», то есть с текстами заведомо недетскими и непростыми, пусть и очень интересными. Мы разделили для себя две задачи: знакомство с ключевыми для культуры «знаками» (необходимым контекстом) и анализ художественного текста. Для первой задачи в средней школе вполне подходят переложения и аккуратно отобранные фрагменты, для второй – законченные тексты (и те же фрагменты). Попробую показать, как работает такой подход, на примере зарубежной литературы в наших хрестоматиях.

В 5 классе у нас сказки разных народов – извечные поставщики образов, сюжетов и других строительных материалов, из которых создана литература. Места они занимают много, но часов берут мало. Читаются с огромным удовольствием и пользой.

В 6 классе помещены тексты Древнего мира: Библия; эпос о Гильгамеше; древнеегипетская сказка и несколько стихотворений; фрагмент из Гесиода; отрывки из «Илиады» и «Одиссеи»; довольно большой отрывок из Геродота о битве при Фермопилах и сокращенное «Жизнеописание Александра Македонского» Плутарха. Если кто-то готов возмутиться: какая скука и непроходимая сложность, – то сразу отвечаю: ничего подобного! Этот раздел идет «на ура» в школе и пользуется огромной популярностью у детей, которые просто читают наши хрестоматии вместе с родителями. Конечно, чтобы получить такой эффект, с материалами пришлось изрядно поработать. Они представлены в трех видах: 1) сокращенные и откомментированные фрагменты первоисточника; 2) бережные переложения (их делала – как подарок родной школе – наша выпускница, филолог и поэт); 3) словарь-справочник и вопросы для проведения викторины по античной мифологии. Для чтения русской классики нужно знать больше имен и слов, чем изучают в 5 классе. И это знание само собою не возникнет: его нужно и вручить, и спросить.

За античным разделом у нас следуют стихи русских поэтов, в которых используются все эти слова, мотивы, имена. Стихи трудные, но воспринимаются на удивление легко, так как для них восстановлен необходимый контекст.

В 7 классе у нас Средневековье. И не подумайте, что мы просто идем за программой филфака. Мы показываем первоисточники множества «римейков», с которыми ученики уже встречались и еще не раз встретятся в жизни. Итак, героические эпосы Европы, кельтская и германская мифология, Артуриана. Каждый словесник может сам прикинуть, когда и где у нас «аукнутся» «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», кельтские «полые

холмы» и на что так похож «Бой Кухулина с Фердиадом». Принцип подачи материала тот же, что и в 6 классе: сокращенные переводы, переложения и все, что нужно для проведения контрольных-викторин.

В 8 классе мы переходим от позднего Средневековья к Возрождению. Вийон, Данте, Сервантес, Шекспир и немножко Платона (ради Данте и ради Сократа). В 9 классе останется рассказать о барокко (хоть лучше бы это сделали искусствоведы), и можно говорить о классицизме.

По тому же принципу подается материал в разделе древнерусской литературы. Каждого нового учителя, начинавшего работать по этой программе, мы просили не относиться к ней как к догме и «сворачивать» работу с произведениями, которые покажутся детям чересчур сложными и скучными. Однако свод текстов, который вошел в последнее издание хрестоматии, выдержал испытание временем.

Литература, история и логика

Мы не пытались подчинить свой курс какому-то абстрактному принципу, зная, что жанры, методы и стили школьникам средней школы «не близки» в силу их возрастной психологии. И, соответственно, не подыскивали никаких «проходных» текстов, чтобы хоть как-то представить всю историю русской литературы: исторический курс в этом возрасте не нужен. Тем не менее некоторая внутренняя упорядоченность в нашем курсе есть, только она основана на сопряжении нескольких принципов. Самая простая и очевидная логика лежит в основе размещения по классам все той же зарубежной литературы.

Да, как вы уже поняли, мы попытались синхронизировать этот раздел с курсом истории. И у нас почти получилось – пока историки не сдвинули античность в 5 класс, разрушив хрупкую гармонию. Произведения, которые непросто изучать в 6 классе, в 5 читать невозможно. Сейчас наша программа идет вслед за историей, чтобы можно было опираться на уже изученное, а заодно повторять, дополнять, углублять. Возможно, это не худший вариант.

Для блока древнерусских текстов пришли тяжелые времена, когда не стало краткого ознакомительного курса по русской истории, но сейчас его снова ввели в начальной школе. В распределении древнерусских произведений по классам хронологический принцип главным не является, хотя мы и идем от первых летописей в 5 классе до эпохи Ивана Грозного в 8. Для нас важнее смысловые связи, которые можно построить между произведениями, собранными в каждой из книг.

Учитель может не акцентировать внимание на этих внутренних «сюжетах», но может и использовать их в работе. В 5 классе сквозной является тема героя, богатырства, а также бродячие сюжеты и их преломление в разных культурах – первая попытка увидеть и осознать «личность народа», отраженную в его творениях. В 6 – тема странствий и идеал человека в разных культурах. В 7 – тема поиска некой обетованной земли (града Китежа или волшебных островов бессмертия). В 8 – проблема отношений личности и государства. Еще важнее то, что внутри каждой книги

постепенно встретились и «срифмовались» тексты, вместе гораздо более понятные, чем порознь. Например, стихи из блоковского цикла «На поле Куликовом» и повести о Куликовской битве.

Отступление про «игру в бисер»

Еще два слова о нашей главной идее. Разделы зарубежной и древнерусской литературы в итоге оказались своего рода ответом на «вызовы» постмодернизма – ситуации, когда вся мировая культура стала материалом для бесконечной игры, очень похожей на «игру в бисер», о которой написал Г. Гессе. Все образы и сюжеты, все слова и смыслы становятся материалом для причудливых интерпретаций, пародий или просто фантазий. Как герой Гессе, чтобы постичь суть этой игры (метафоры культуры), последовательно освоил первоисточники одной из таких причудливых и вольных композиций, – так мы предлагаем ученикам узнать первоначальный, истинный вид самых важных культурных «знаков». Отчасти это должно научить их ориентироваться в современной культуре, отчасти может уберечь от слишком разрушительных ее тенденций. Нам было важно, чтобы дети получили эти знания по возможности в первоизданном виде или хотя бы в добросовестном переложении для детей, но никак не вывернутыми наизнанку очередным голливудским умельцем, который из всех сил старается не быть похожим на своих предшественников. При этом наши книги не филологичны по своей сути – мы в первую очередь передаем тексты, а не теории, знакомим школьников с плотью и кровью литературы. А филология прилагается к ним как инструмент, который облегчает понимание.

Зачем вообще нужны учебники?

Провокационную реплику о «нефилологичности» наших хрестоматий не надо понимать буквально. Конечно, филологии в них вложено немало: и в предлагаемых вопросах и заданиях, и в специально написанных статьях.

Эта составляющая наших книг оформилась не сразу. Сначала мы думали: достаточно собрать в хрестоматии нужные тексты, а к ним пусть будут даты жизни и коротенькие статьи-подводки. Для приличия. Вопросы и задания учитель все равно придумает сам. И про писателя сам расскажет. И теорию литературы объяснит – по мере необходимости и как сумеет. Вам уже смешно? Или, может быть, нет? Мы ведь часто говорим, что учебник не нужен, что он не может заменить учителя, что навязывает однозначную трактовку того, что создано многозначным...

Оказалось, что и в нашем предмете многое нужно просто знать. Даты, термины, биографические сведения – то, что мы сами, кажется, знали просто из воздуха. Но теперь атмосфера изменилась. Пропущенный урок так и останется белым пятном в образовании. Значит, все, что мы собираемся рассказывать, в хрестоматии тоже должно быть. Нет, не анализ текстов, не ответы на вопросы – просто много разных точных сведений.

Мы стали писать статьи и по ходу работы заново открыли для себя очевидную вещь: они нужны еще и для того, чтобы учить детей работать с научными (более или менее) текстами и извлекать из них информацию. Чем старше школьники, тем больше у учителя резонов строить урок не на своем

рассказе, а на работе с учебником. Значит, статьи должны быть такими, чтобы с успехом заменить учителя и соответствовать возрастным возможностям учеников. А это очень непростая, как вы понимаете, задача. Статей пришлось написать много. Часть была напечатана в разных номерах «Литературы», а часть попробую разместить на сайте «Чисто по-человечески» для всех, кто захочет их использовать.

Другая сторона учебника – вопросы и задания. Вот тут могу честно похвастаться: наши задания действительно «работают» (проверено не только нами). Мы начали с того, что разработали вопросы к текстам, которые прежде не изучались в школе, а потом вошли во вкус. И если нет сил или времени придумывать что-то новенькое, этими разработками можно смело воспользоваться.

Потом к хрестоматиям потребовались методички. Ответы на многие наши вопросы неочевидны. И не всякий видит, как из системы заданий вырастает архитектура урока. Пришлось и это записать. Нет, не как догму – как то, что уже не нужно изобретать, от чего можно оттолкнуться и идти дальше.

Особая статья – комментирование текстов. Мы часто жалуемся, что дети не читают классиков. А как их читать, если, к примеру, на каждой странице Гоголя нужно объяснить по 5-6 слов? Оказалось, что составители хрестоматии – это как раз и есть та самая «служба понимания», и не только текстов в целом, но и каждого слова в отдельности. В процессе долгой, дотошной работы мне начало казаться, что образование – это, по сути, бесконечные слова, слова, слова, историю и смысл которых нужно постичь и запомнить. И если не набрать какой-то критической массы нужных слов, двигаться дальше, к пониманию «Онегина» или «Войны и мира» невозможно: они окажутся написанными на непонятном языке (как часто и случается). Хотя бы в этом смысле наши хрестоматии себя точно оправдывают: словарь учеников они обогащают основательно.

Два слова в заключение

Мне трудно судить, насколько удачна концепция нашей программы. Может быть, она идет вразрез с какими-то важнейшими современными тенденциями в преподавании литературы. Может быть, она годится лишь для немногих школ, подобных нашей. В защиту этих книг могу сказать, что сейчас мы учим по ним детей наших первых выпускников (и внуков первых учителей, когда-то создававших нашу школу). И что издание хрестоматий оказалось возможным лишь потому, что нынешние наши родители не захотели для своих детей другой программы. И что эти учебники оказались незаменимыми для тех, кто, живя за границей, пытается вырастить детей носителями русской культуры. Дети в таких случаях не очень-то хотят читать русские книги. А эти хрестоматии (что даже удивительно) читают с интересом. В них вообще многие «утыкаются» и «зарываются». Мне кажется, это лучшее, что может случиться с учебниками по литературе. А вот удастся ли отстаивать их право на существование – большой вопрос.